

Александр ЩЕРБАКОВ,
писатель:

— О Саше Ероховце у меня только самые лучшие воспоминания. В самые чёрные дни смуты он был с нами, патриотами-державниками. Помнится, он поселился в Никольском и я позвал писателя Николая Волокитина, ещё кого-то, и мы поехали к нему, чтобы «просветить» его в глуши. Но были удивлены, что он осведомлён обо всём, что происходит, лучше нас. Слушает радио, читает газеты, журналы, а в «Нашем современнике» даже напечатал письмо с оценкой обстановки в стране и поведения иных коллег, включая нашего «классика», подпавшего «расстрельное письмо 42-х».

Так что Ероховец был не только крепкий писатель, но и настоящий гражданин, народный заступник. Да будет пухом ему наша русская сибирская земля.

Лидия Сергеевна
МЕМНОНОВА:

— Александр Степанович Ероховец — сибирский, советской эпохи писатель. Известно, произведения автора отражают его внутренний мир. Так вот, внутренний мир Александра Степановича был созвучен широкому кругу жителей СССР. Он из тех авторов, которые не одалживают у читателей времени, а, напротив, обогащают их досуг интересной прозой.

Мне, как работнику Красноярского книжного издательства, приходилось трудиться над рукописями Александра Ероховца. Поражали его скромность, застенчивость и постоянное стремление поддержать начинающих способных авторов, похлопотать за них. Очень огорчался, что настали времена бездарных, но обеспеченных «литераторов». Сейчас книг А.С. Ероховца, как и других серьёзных, глубоких советских писателей, трудно приобрести, к сожалению. Это большая потеря для интеллектуального мира современных людей.

Олег Анатольевич
ПАЩЕНКО:

— Июнь, 1973 г. Козулька. «Олег, пиши, пиши прозу... Ты можешь и должен писать повести и рассказы. Понял? Замахнись и на роман... Хватит твоих очерков, корреспонденций с полей и лесосек!» — так увещевал меня в редакции районки добрый и мягкий А.С. Ероховец, почти случайно заехавший в наш район. Ну, ододел меня. Через пару недель я поехал в деревню Красный Яр к тётке Соне Сандович, там за три дня и ночи написал свой первый рассказ «Роса». Отправил Ероховцу. Как же он обрадовался! Мол, наконец...

Январь, 1974 г. Козулька. Ввалился Ероховец, заснеженный, в дом, разделся, извиняясь, что без предупреждения. Ночь проговорили. Курили, пили кофе. Утром посадил его на поезд в Красноярск. Ведь специально приезжал подтолкнуть: «Пиши, пиши...».

Апрель, 1984 г. Красноярск. Приём в Союз писателей СССР. Три рекомендации у меня: от Виктора Астафьева, Бориса Костюковского, Александра Ероховца. Не забыть!

«Ероховец был очень отзывчивым человеком»

К 10-летию со дня смерти красноярского писателя Александра Степановича Ероховца

Людмила
САМОЙКИНА
(Боготол)

1

Быстро летит время, стирая в нашей памяти прошлое. Для меня и людей, близко знающих Александра Степановича Ероховца, сибирского писателя, оно остановилось 17 июня 2001 года, когда перестало биться его сердце.

Тогда, находясь в больнице на лечении после перенесённого заболевания на сердце, я долго не могла поверить в то, что его больше нет с нами. Для меня это была огромная утрата после трагической гибели моего брата Геннадия Тисленкова. В те годы Александр Степанович и его семья стали мне родными и близкими людьми. Александр Степанович хорошо знал моего брата, постоянно вырезал и собирал его стихи из нашей местной газеты, встречался с ним. Близко познакомился с его творчеством осенью 1995 года, когда мой брат незадолго до своей гибели приехал к нему в село Красный Завод, где у Александра Степановича был домик с приусадебным участком на берегу р. Чулыма, советовал на свою неустроенную одинокую жизнь, на то, что стихи его и проза никому не нужны, что уже разочаровался в своей божьей искре и не видит смысла в жизни, т.к. при его положении он не сможет ничего издать. Предлагал ему забрать его тажные дневники, чтобы он использовал его материал для будущих своих романов. Александр Степанович поделился с Геннадием о том, что у него самого огромное количество неопубликованного материала.

Тогда Александр Степанович посоветовал Геннадия, не откладывая надолго, начать подборку своих стихов, что, возможно, настанут времена, когда его творчество будет востребованным. А просмотрев его дневники, сказал ему, что у него книги уже готовые, только нужно всего кое-где подработать.

Видимо, Геннадий уже тогда почувствовал приближение своей смерти, оставил у Александра Степановича свои рукописи, чтобы он ближе с ними познакомился. Обещал приехать позже за ними, но встреча их так и не состоялась. 21 октября 1995 года Геннадий не стало.

Смерть Геннадия не оставила равнодушным Александра Степановича, она просто его потрясла. Когда он просмотрел его рукописи, понял, что боготольская земля в его лице потеряла талантливейшего человека.

Александр Степанович был добрейшей души человек. Узнав о том, что после гибели брата я издала его посмертный сборник «Синица в небе», решил найти

А.Ероховец (1932-2001)

меня, чтобы вернуть рукописи покойного. По телефону сообщил, что долго думал над тем, куда лучше определить их, и, наконец, решил вернуть их мне, посчитав, что на его родине будет надёжнее, чем неизвестно сколько будет

лежать в музее г. Красноярска, куда он после смерти Геннадия хотел их сдать. А так как я пока единственный человек после его гибели занялась издательством его стихов, оставил в редакции рукописи, чтобы коллеги Геннадия передали их мне.

Так благодаря Александру Степановичу у меня оказался богатейший архив брата. За это я ему очень благодарна.

Мне очень больно за то, что Александр Степанович так временно покинул нас, ведь у него осталось много неопубликованного, замыслов, которым не удалось осуществиться, но я верю в то, что его потомки обязательно исполнят его мечту. Об этом он писал мне в одном из своих писем. И всё, над чем трудился он, увидят его земляки, новые романы и повести в полном собрании.

Он был очень отзывчивым человеком. Когда я поближе с ним познакомилась, меня поразило его целеустремленность, скромность, сдержанность, преданность своей малой Родине и людям, живущим на ней, его равнодушие к бедам близких ему людей и окружающих.

2

12 ноября 1999 года, когда я сообщила Александру Степановичу, что буду в Красноярске, чтобы забрать в издательство «Кларетианум» очередной сборник брата, он встретил меня у издательства. Помог мне доставить книги к себе на квартиру. Познакомил меня со своей женой Людмилой Николаевной, симпатичной и такой же доброй, гостеприимной, как и он сам. Уговорили меня заночевать у них.

Александру Степановичу хотелось побольше узнать о Геннадии от меня. Мы тогда поговорили с ним до рассвета: о жизни Геннадия, нашей, России. Я чувствовала тогда, как ему хотелось высказаться о набравшем за последнее время. Слушая его, я думала о том, что мне повезло так близко пообщаться с писателем в его квартире, в комнате с огромным количеством книг. Такое я видела впервые. Порой мне казалось, что это сон: передо мной настоящий писатель, автор любимых

книг боготольских читателей. Таких, как «Весенняя черемуха», «Спроси своё сердце», «Солнце, не падай», «Поздний сенокос», «Забереги», «Отчая земля», «Далеко-далеко от фронта», «Мне нужен таежный воздух». На земле, на свете этом», «Ожидание», более 20 произведений, вышедших в Москве и Красноярске.

Тогда при встрече я много узнала о нём, о его семье, а также из его писем, написанных мне, в которых он старался поддержать меня в те трудные для меня времена. И мне до сих пор обидно за него, за непростое время, при котором за деньги можно купить всё, даже издать бездарным. За тех людей, которые заставляли его унижаться, человека с огромным талантом, своего уважаемого. Это благодаря ему сборники моего брата попали в краевую библиотеку и музей г. Красноярска.

Он беспокоился о том, чтобы о творчестве моего брата узнало как можно больше людей. Написал о нём большую статью в нашу боготольскую газету и газету «Красноярский рабочий», переживал, что статьи, написанные им, вышли в сокращённом варианте, что полосы газет не позволяли большего. Жаль, что при своей жизни Александр Степанович не увидел детского сборника моего брата «Подсолнышек».

Много времени он тратил, помогая мне пробить издание сборника Геннадия «Моё родное Причулымье», но его труд, как и мой, оказался напрасным. Сборник так и не увидел свет, затерялся вместе с Генераловым, нашим избранным депутатом и его исполнителями, которые заверили меня в его спонсировании во время выборной кампании и после её победы кормили меня обещаниями. Увы, труды мои оказались напрасными, я прошла, как и Александр Степанович, через все унижения, а боготольцы так и не увидели сборника. Мне даже не вернули подлинник подготовленного мной сборника. Александр Степанович переживал тоже тогда за меня, неоднократно сам ездил в приемную Генералова.

В одном из своих писем, адресованных мне, он писал, что ему тоже, как и мне, пришлось пройти через унижение: «А у меня в личной творческой жизни пока ни шатко, ни валко. Все мои хождения по мукам, по высоким инстанциям насчет издания собственного романа пока не приносят никаких результатов, но всё-таки где-то далеко-далеко ещё брезжит маленькая надежда, но ясно: к своему 70-летию книгу уже не успею издать. Но все-таки хочется хотя бы напоследок, чтобы ещё хоть что-то осталось на этом свете, когда уйду в мир иной. Правда, отчасти начинает сбываться моя

давняя мечта о создании в Боготоле собственной писательской организации». Он сетовал на то, что посадил своё сердце именно от результатов ожидания — помогут или откажут в финансировании книги: «Я бы легче всё воспринимал, если бы мне сразу отказали, — писал он, — а не мариновали месяцами. Но до того довели, что, прежде чем позвонить какому-то либо чинуше, от которого что-то зависит, сижу, полчаса, а то и больше, собираюсь с духом, прежде чем позвонить, так это мучительно и унижительно и, конечно же, отражается на сердце — гнетёт».

Наверное, всё это меня сильно подкосило, надорвало мои силы и нет уже того сильного жгучего желания писать-писать, как было год назад. Эту зиму впервые я перестал делать физзарядку, перестал обливаться холодной водой, как это делал последнее время, после клинической смерти, тогда бодрился и старался успеть-успеть побольше написать из того, что я задумал. А задумано у меня столько, что за сто лет всего не сделаешь, мало-мало будет человеческой жизни. Я уж одно время думал: просто сделать краткие сюжеты некоторых рассказов, повестей и романов, кое-где с диалогами, с описанием природы, некоторых событий, может, кто-то из потомков воспользуется моими записями, может быть, кому-то когда-то пригодятся. Сейчас хочется только довести до конца одно важное дело — создать в Боготоле собственную писательскую организацию, в которую бы вошли Титенко, Килькеев, Антонов, Екимов».

3

Он всегда старался поддерживать меня, писал мне: «Ты должна быть уверена, что делаешь великое дело не только для родного брата, но и для наших потомков, юных боготольцев и ещё не родившихся, но которые вырастут и поймут, какой талантливейший русский поэт жил в их родном городе, но обстоятельства, пренебрежение властью к культуре не дали ему возможности развернуться на ту силу, создать то, на что он был способен, отмеченный Божьей благодатью. Держись! Ты нужна боготольцам».

Это было его последнее письмо, написанное мне 17.04.2001 года.

Александр Степанович сильно радовался, узнав, что в Боготоле, в школе № 4, хотят открыть литературный музей, собиравшись выступить на его открытии, поздравить, призвать к организации клуба любителей поэзии.

Последняя встреча с ним произошла в конце мая 2001 года перед моей поездкой в г. Красноярск, когда меня направили на консультацию к кардиологу. Возвращаясь с работы до-

мой, я медленно шла, поглощенная в свои думы, как раз вспомнила о нём. Мне очень хотелось, чтобы Александр Степанович написал о Геннадии предисловие в следующем сборнике стихов. Неожиданно в душе моей что-то вздрогнуло, я подняла глаза, окинув взглядом вокруг себя. Солнце слепило, я на миг зажмурилась, т.к. меня поразила неестественно яркая зелень и всё вокруг было настолько ярким, даже люди мне в тот момент показались какими-то необычными. И вдруг вижу впереди возле автовокзала отчетливый силуэт Александра Степановича.

Сначала в моей голове возникла мысль, что это призрак, я подумала, что обозналась, т.к. он был не один и нес в обеих руках большие сумки. Приглядевшись, узнала его жену Людмилу Николаевну. Видно было, что они сильно спешат. Я замедлила шаг, чтобы не повстречаться с ними на дороге. Наша встреча произошла на перекрестке улицы Вокзальной. Эту встреча была настолько неожиданной, что я поначалу растерялась, смотрела то на Александра Степановича, то на Людмилу Николаевну. Почувствовав, что что-то навсегда теряю, быстро собралась с мыслями. У Александра Степановича был какой-то печальный взгляд, было видно, что он как бы прощается со своей малой родиной Боготолом.

От них узнала, что приезжали они в Боготол, возможно, в последний раз, бывали на могилах близких, а вот на могиле Геннадия не пришлось побывать, т.к. не знали, где он похоронен, ко мне зайти у них не хватило времени. Рассказали мне о том, что купили дачку под Красноярском и теперь из-за недостатка времени и дорогой жизни не смогут часто навещать милые, родные сердцу места. Думали, если тети не окажется дома, заночуют у меня.

И только когда его не стало, я поняла: Александр Степанович очень хотел побывать на могиле моего брата, возможно, думал об этом тогда, но не знаю. Тогда в его глазах была глубокая печаль и мне показалось, как будто он навсегда прощался со своими отеческими могилами.

4

Времени до прибывающего поезда оставалось немного. В кратком разговоре он обе-

щал, что напишет предисловие к новой книге о Геннадии. Я чувствовала тогда, будто вижу его в последний раз, самочувствие моё было в тот момент неважным, побаливало сердце, т.к. в последнее время я тоже много пережила. Я решила: если меня не положат в больницу, обязательно заеду к ним. Подошел поезд, на который они поспешили. Это была моя последняя с ним встреча.

Мистика, но это факт, когда остановилось его сердце, в тот утренний час ко мне в палату в больнице, в которой я лежала на лечении, зашел и присел на пустую кровать у входа мужчина, сильно похожий на него. Тогда я почти не спала, сон мой был поверхностным, я периодически открывала глаза. Я вздрогнула, резко открыла глаза. В это время умер Александр Степанович, как я узнала позже от его жены. Видимо, пока билось его сердце, он думал о нас с братом, очень хотел нам помочь...

ПУСТЬ ЗЕМЛЯ ЕМУ БУДЕТ ПУХОМ, А ЕГО МЕЧТЫ ВОПЛОТЯТСЯ В ЖИЗНЬ.

В 2012 году ему бы исполнилось 80 лет, а в этом году исполняется 10 лет, как его нет с нами.

Труд Александра Степановича по достоинству оценен нашими земляками, ему посмертно присвоено звание Почетного гражданина города Боготол, в честь него названа наша центральная городская библиотека. Боготольцы помнят его и чтят его заслуги. Жаль только, что об этом сам он никогда не узнает, но память о нём навсегда останется в наших сердцах.

Л.И. САМОЙКИНА.

Июнь 2011 года.

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

Я жизнью своей обязана вам,
За это спасибо отцам и дедам,
За то, что, сражаясь в неравном бою,
За Родину отдали жизнь вы свою.
Бессонные ночи, в холод и зной
Вы знамя Победы несли над собой.
За то, что вы насмерть стояли тогда
И отстояли свои города.
В год тяжелейший для Родины нашей
Вышли в столице тогда на парад.
Врагу не отдали Москву, Ленинград.
С болью смотрели вы людям в глаза,
Освобождая свои города.

И, прошагав пол-Европы с боями,
Вы водрузили его на рейстаг.
В этот момент был повержен наш враг.
В душах людских невозможно вместить,
Что россиянам пришлось пережить.
Подвиг ваш нам никогда не забыть.
Вечно о вас будем память хранить.
За жизнь счастливую свою
Пред вами голову склоню.
Ряды с каждым годом редуют из вас,
Напоминая войну каждый раз.
Вы будете вечно живыми для нас,
Пусть не живете сейчас среди нас.
Лишь остаемся мы, дети войны,
Помните о ней всегда мы должны.

Л.И. САМОЙКИНА, ветеран труда.

Боготол.